

THE «CIRCLE OF TRADITIONS» OF THE CASPIAN SEA COASTAL REGION AND THE PROBLEMS OF AREAL ETHNOLINGUISTIC SPECIFICITY

Victor M. Victorin

Astrakhan Tatishchev State University, Russia, Astrakhan

E-mail: victvic@mail.ru

ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-7008-8851>

ABSTRACT

The Caspian coast along its entire length is extremely diverse in terms of its ethnic, linguistic and religious traditions. The relevance of studying this factor is in its connection with the whole Caspian Sea problems, as well as in the lack of research on this topic (the article operates with only three earlier publications). The aim of this work is to understand the composition of the features of the areal ethnolinguistic specificity along the entire coastal perimeter of the Caspian. It is methodologically effective to refer to the previously undeservedly lagging "areal" approach in ethnology and ethnocultural studies, which successfully combines geographical and historical means of study.

The materials were collected by long (from the beginning of the 80s of the XX century) expeditions in the north of the Caspian Sea and on the coast of Dagestan. And Northern Iran (since 2000) was studied with colleagues and students at the University of Astrakhan. The author also distinguishes, in addition to the Northern and Southern Caspian Sea areas, the "Central" Caspian Sea area (only 30 small zones - sections, areas). In the results of the study, the concept of the "Eurasian border" has been clarified. Attention is focused on the role of special "Caspian" forms of areality and ethnicity in modern conditions.

KEYWORDS

Eurasia; Caspian Sea; the "Okoyom" as component of the coast; active periphery; migrations; areal and stadial approaches; civilizations and formations; ethnoses and subethnoses; languages and religions; economical - cultural types and historical - cultural areas.

ПРИКАСПИЙСКИЙ «КРУГ ТРАДИЦИЙ» И ПРОБЛЕМЫ АРЕАЛЬНОЙ ЭТНОЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ СПЕЦИФИКИ

Викторин Виктор Михайлович

Астраханский государственный университет им. В.Н. Татищева,

Россия, Астрахань

E-mail: victvic@mail.ru

ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-7008-8851>

АННОТАЦИЯ

Каспийское побережье, на всей его протяжённости предельно многообразно в отношении своих этнических, языковых, религиозных традиций. Цель статьи – выявление состава ареальной этнолингвостецифики по всему прибрежному периметру Каспия. Методологически эффективно обращение к «ареальному» подходу в этнологии и этнокультуроведении, удачно объединяющему географические и исторические средства изучения.

Материалы были собраны во время длительных (с нач. 80- х гг. XX в.) экспедиций по северу Прикаспия и на побережье Дагестана. А Северный Иран изучался на кафедре и студентами (с 2000 г.) в университете г. Астрахани. Автором выделен, помимо Северного и Южного Прикаспия, ещё и Прикаспий «Центральный» (всего до 30- и небольших зон, участков - ареалов). В результате исследования уточнено понятие «евразийской границы». Сосредоточено внимание на роли особых «прикаспийских» форм ареальности и этничностей в условиях современности.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Евразия; Каспийское море; «Окоём» как составная часть побережья; активная периферия; миграции; ареальный и стадиальный подходы; цивилизации и формации; этносы и субэтносы; языки и религии; хозяйственно - культурные типы и историко - культурные области

ВВЕДЕНИЕ

Окружность побережья Каспийского моря занимает особое место в Ойкумене при любых ракурсах её рассмотрения в науках. С этнолингвистической точки зрения по береговой линии и в ближних предгорьях и степях имеется ряд участков обитания с неповторимыми особенностями традиций (так или иначе сохраняемых), вплоть до почти что заповедных уголков, с издавна характерным для жителей Прикаспия взаимным владением несколькими здешними языками.

В их совокупности мы и обозреваем «круг культур» Прикаспия (Л.Н. Гумилёв, А.И. Куркчи и др., Фонд "Мир Л.Н. Гумилёва"), или же «круг традиций», или «Циркумкаспий». Так, отмечая необычность, но подчинённость роли региона в судьбах Планеты (ничего не определяя и не вызывая – очень на многое влиять), Л.Н. Гумилёв обозначил его южную, гиланскую часть племени гелов (гиллов) у античного географа - историка Страбона, очень реликтивно - традиционную и почти недоступную для внешних вторжений, как «глухой угол». А северную, дельтовую и степную, он охарактеризовал как ... «окоём» (сразу «око - кайма - объём») (Гумилёв, 1993, с. 63-64 и с. 65-69).

Развивая тезис этого яркого, хотя и неоднозначного мыслителя, тюрколога и историка — географа, автор статьи определил прикаспийские пространства как «активно действующую периферию - "АДП"», а московские коллеги из фонда «Мир Л.Н. Гумилёва» – как «Каспийский круг - транзит» культур (См.: Астрахань - XXI век ..., 2007, с. 32, 40-44).

Актуальность обозначенного аспекта состоит в его гибкой взаимосвязи со всей «прикаспийской» и, ещё шире, «евразийской» проблематикой. Тем более, что мы располагаем пока лишь тремя крупными исследованиями непосредственно по этой теме (Гумилёв, 1993; Бартольд, 1924; Кундакбаева, 2005).

Фактические данные были собраны автором статьи во время длительных, с нач. 80-х гг. XX в., научных экспедиций по северу Прикаспия и побережью Дагестана. А Северный Иран изучался с 2000 г. со студентами и коллегами по кафедре восточных языков в университете г. Астрахани. На этой основе по частным аспектам темы был прежде подготовлен ряд публикаций (Викторин, 2002, с. 40-46; Викторин, 2003, с. 155-166; Викторин, 2011, с. 52-61; Викторин, 2016, с. 96-99; Викторин, 2021, с. 154-156).

Существует ряд междисциплинарных, пространственных методов рассмотрения необычных регионов с входящими в них территориями. Наиболее масштабные и, как выяснилось, несложно сочетаемые в науке подходы - «цивилизационный», т.е. с позиций духовного производства, и «формационный», исходящий из производства материального (Введение в востоковедение, 2017, с. 141-146). Но тот и другой предполагают весьма высокий уровень как развития общества собственно, так и понимания его сущности учёными, имея, однако, некоторые ограничения в своём применении. Приходится привлекать тогда иные, более редкие и специфические модели.

Так, в Прикаспии долго не складывалось собственной городской жизни, всегда соотносимой с цивилизациями. Великий шёлковый путь со II-го в. до н.э. тоже проходил в некотором отдалении от морского берега, и на этнолингвистическую ситуацию здесь он не влиял. А крупные цивилизации, приходя на прикаспийские территории извне, только вбирали их в себя – на время, длительно или постоянно, мирно или же с применением силы. И типичный формационный переход (скажем от рабовладения к феодализму) вообще, похоже, не имел здесь места.

Такое положение определялось преобладанием по побережью никак не «производящего» (тем более, развитого земледельческо - зернового – залога и подспорья промышленности), а лишь только низшего, «потребляющего» типа хозяйства с племенным укладом власти и существования.

Наша цель – уяснение и уточнение системы и элементов ареальной и внутренней для неё этнолингвоспецифики, выделение и изучение её вариантов вдоль каспийского побережья. В интересах данного исследования, помимо иных отраслей научного знания, мы обратимся к географии как одной из предтеч этнографии, которая сейчас вновь учтена в структуре Русского географического общества с 2014 г. (Ст., п. 3.4 Устава организации). Эта изначальная связь сохраняется, таким образом, и с нынешними этнологией - народоведением и этнолингвистикой - диалектологией, располагающими собственным набором методов, продуктивных в отношении Прикаспия.

Так, в минувшие годы незаслуженно полузабытой оказалась «ареальная» методика, отсылающая к старинной связи этнологии с географией и постепенно возрождающаяся в настоящее время (Октябрьская, 2020, с. 103-108). Хотя и она не представляется исчерпывающей без дополнения со стороны «стадиального» (историко - этнического) и «информационного» (этнокультуроведческого) методов (Арутюнов, Рыжакова, 2004, с. 54-56, 111-118 и др.; Викторин, 2007, с. 5-6).

У ареального подхода – давняя и достойная история с довоенных и ранних послевоенных времён (Левин, Чебоксаров, 1955; Толстов, 1932, с. 28-33, 48-55; Чебоксаров, Чебоксарова, 1985, с. 177-184, 222-228; Ерасов, 1990, с. 90; Арутюнов, Рыжакова, 2004, с. 84-86, 108-118; Октябрьская, 2020, с. 105-106). Предусматривается в нём, напомним, выделение этносов и этногрупп в двух вариантах, т.е. по «хозяйственно - культурным типам: ХКТ» и по «историко - культурным областям: ИКО» (семья Харузиных, П.И. Кушнер - Кнышев, С.П. Толстов, М.Г. Левин, Я.В. Чеснов, П.И. Пучков, С.А. Арутюнов, Н.Н. Чебоксаров, Б.В. Андрианов и др.). В чистом виде они фиксировались до нач. XX в. – и больше в сельской местности. Но их наследие проявляется всегда и повсюду, даже до сих пор.

С позиций ареальности, в данной работе предстоит иметь в виду ИКО «Волгокамскую», две «кавказских» («предкавказской» и «закавказскую»), а также «среднеазиатскую», из которой иногда выделяют «казахстанскую» (Чебоксаров, Левин, 1955, с. 12, 16). Но предусмотрев в возможной перспективе и ИКО особую, «каспийскую», или «циркумкаспийскую».

Этнические подходы всегда были и остаются взаимодополняющими. При учёте «ареального» ясно, что историко - культурные области, заданные природно и географически и приобретающие население, оставались затем неизменными в границах. А внутри них хозяйственно - культурные типы могли меняться, развиваясь, и заимствоваться от этносов - соседей. Напротив, цивилизации обычно иррадиировали (распространялись) постоянно, охватывая территории всё новые. Причём средства для этого лидирующие слои и общности использовали весьма разнообразные – и среди них далеко не всегда гуманные. Такое происходило и в Прикаспии.

Из основ «стадиальной» версии (она близка к формационной) отметим, как меняли друг друга этнообщности и их языки (включая каждый раз язык «базовый», элитный, особый для любой цивилизации). В сложных катаклизмах устранялись вплоть до вытеснения и уничтожения некоторые из общностей, зато возникали в миграциях «диаспоры» новые.

С «информационной» точки зрения (иначе «коммуникационной», т.е. по специфике общения) практически все регионы и народы человечества проходили определённые ступени развития: «первобытность», затем «письменность» и вскоре «государственность», внедрение «школьного образования» и «печатных СМИ», и, наконец, «современность» с её всё более усложняющейся техникой связи и транспорта (Арутюнов, Рыжакова, 2004, с. 51-55, схема). И всё указанное полностью прослеживается в Прикаспии: от прошлого к современности, с учётом многоязычия территории. Особенно, с учётом новых тенденций в общении стран СНГ и Ирана, приведших к заключению ими «Каспийской конвенции».

Заметим, что Прикаспий не создал, как это совершенно очевидно, никакой собственной цивилизации. Зато «ареальных участков» побережья (по здешним этногруппам, языкам - диалектам, конфессиям, типам хозяйства и видам занятий и т.д.) мы выделяем до нескольких десятков – см. далее. Поскольку каждая крупная территория в Прикаспии обладает собственной этнической спецификой или же совокупностью особенных признаков в присущих ей традициях.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

Крупные и совсем небольшие участки территории по прибрежной линии Каспия обладали и обладают редкостным набором особенностей этнолингвоспецифики (Ср.: Гердт, 2005). Назовём южные («обкающие») и северные русские говоры Нижневолжья, периферийные гелянский и мазандаранский («табарский») языки северного Ирана, несколько «татских» диалектов на юго-западе и западе Прикаспия, особые традиции и речь туркмен-рыболовов (под влиянием соседних курдов-переселенцев нач. XVII в.) и мн. др.

Таковая картина сложилась, в основном, к XVIII и в XIX вв., несколько видоизменилась в сложных событиях на рубеже XX и XXI вв. Изучение этого богатства эффективно возможно именно при помощи ареально - этнического

подхода, удачно объединяющего географические, исторические и культурологические средства изучения.

Так, возникают вопросы, принимать ли речные в низовьях, предгорные или составляющие нефтяное побережье местности как целостные образования или же дробить их на составляющие. В разных случаях приемлемы обе модели.

Во многих случаях это рыболовство, скотоводство кочевое и полукочевое, в других – стойловое и отгонное, разные виды земледелия. По Б.С. Ерасову, это каждый раз «культурный тип», представленный «до цивилизаций» (Ерасов, 1990, с. 90). Сходным образом, ИКО – территория общности исторических судеб этносов, связанных долгое время (Левин, Чебоксаров, 1955, с. 4, 10-11). Изучение просторов Прикаспия даст тому показательные примеры.

Вообще же лингвистическое сопровождение и социальных, и этнических явлений, с изучением данной триады «в едином ключе» приобретает огромную важность, а этноязыковое картографирование (Гердт, 2005, с. 10-11, 215-216) оставляем в перспективе дальнейшей работы.

Цивилизации и этноареальность. Существует, разумеется, планетарная, «мировая цивилизация». Именно её, рассуждая о Прикаспии, вероятно принимал за критерий развития и научного постижения акад. В.В. Бартольд: по степени включения, вовлечения территорий «в круг мирового культурного развития»: мирного, либо ... даже немирного (Бартольд, 1924, с. 5-6). Цивилизации способны породить в своём составе «подцивилизации» (как имеет место в исламе), а также переходные синкретические «межцивилизационные» (при «бартольдовом» включении «в разные орбиты»).

«Цивилизация» в принципе может совпадать с этно-межэтническим, «ареальным» единством (с ИКО, реже с производящим ХКТ: к примеру, в древних Египте и Мезоамерике). Но между ними (по С.А. Арутюнову и С.И. Рыжаковой) – немалые различия в основе и сути, масштабе и исторической ступени бытования, а также в обычной готовности первой к своей иррадиации, экспансии (Арутюнов, Рыжакова, 2004, с. 85-86 и 107. Ср.: Ерасов, 1990, с. 90, 117-118).

В фундаменте цивилизации – «высокая», элитарная и профессионально и письменно сохраняемая традиция, а в ареальности – «малая», народно - бытовая и фольклорная (различия между ними – впервые у Р.Э. Пайка, Р. Редфилда, М.Б. Сингера в США). С масштабных, «цивилизационных» позиций коснёмся таковых, отражённых в Прикаспии: через византийскую эллинистическую, небольших фрагментов «огненной» зороастрийской, периферийной в изолятах «горской» иудейской.

Наше особое внимание привлечёт и сложившаяся на побережье к XV в., поначалу на этнолингвистической основе арабов-завоевателей, цивилизация исламская (См. о ней: Бартольд, 1924; Толстов, 1932; Викторин, 2007). Впрочем, она как раз в этот период утратила здесь свою целостность, ввиду разногласий и противостояния суннитской и шиитской её ветвей. Наконец, обратимся к государственной цивилизации «российской», с утверждением её в регионе до Южного Прикаспия от 1828 до 1869 гг. Итак, если подытожить, здесь сомкнулись

«европейская цивилизация» (с рядом её включённых вариантов) и несколько «азиатских», образовав между собою сложные «приграничья».

Стык цивилизаций и их сопредельность. Границы и пограничье. Обращаясь к проблеме с позиций обозначенной темы, мы постоянно сталкиваемся с явлением «пограничности», притом всегда с наличием этнической (специфико - культурной) составляющей. Притом с такой «порубежностью» многовариантной и многовекторной (с маргинальностью, переходностью, буферностью, межфронтирностью, состыкованием и др.). И чёткость граней, конечно, нужна, но проведение их на карте зачастую оказывается относительным, т.к. вызывает споры и дискуссии. Но мы не случайно выделили для изложения подрегионы: Прикаспий Северный, Южный и плюс к ним ещё и «Центральный», поскольку каждый из них обладает собственной этнолингвоспецификой.

Традиционно, с I-ой пол. XVIII в., здешнюю часть линии «границы Европы и Азии» учёные проводили в Северном Прикаспии – по р. Эмба и далее по Уральскому хребту и, через северный же сегмент моря, по Кумо - Манычской впадине. Но недавняя Ландшафтно - историческая экспедиция «Урал – граница Европы и Азии» Русского географического общества совместно с казахстанскими специалистами в апреле - мае 2010 г. в результате исследований предложила считать «европейской» всю обширную Прикаспийскую впадину (с окаймляющими её солончаками).

А рубеж двух частей света был проведён ими выше пустынных возвышенностей, плато Устюрт и Мангистау, затем южнее, к равнине г. Актау (акад. А.А. Чибилёв, А.Ю. Понизовкин, Я.Р. Хужина). В таком случае, линия границы пересекает море на 2,5 тыс. км южнее г. Астрахани и логично продолжается по Большому Кавказскому хребту (офиц. рубеж РФ и стран Закавказья). Но это уже не север, а как раз центр Прикаспия.

Определённо, что цивилизации нивелировали и стирали (впрочем, всегда не до конца) ареальные различия в культурах и языках-диалектах. Сплочение прикаспийского пространства и сторонние влияния на него происходили и мирным путём: торговым, миссионерским паломническим и пр. Всё это накладывалось на внутреннее расслоение в составе местного населения, выделение сословий и правивших элит. Но проникновение развитых цивилизаций в Прикаспий, т.е. «втягивание» отдельных территорий в состав сторонних крупных образований, бывало ... непростым, своеобразным и вообще небесконфликтным и небезболезненным (Бартольд, 1924, с. 5-6; Арутюнов, Рыжакова, 2004, с. 107).

Мир и войны, защита, миграции. Казалось бы, любые насильственные действия были издревле и остаются небезопасными и нежелательными для этнолингвокультурной реликтовой стабильности в уникальном регионе (с укрепляющим, вроде бы, командным диктатом), даже губительными. Но регион Прикаспия и так не раз становился объектом завоеваний. И именно они наиболее подробно «отложились» в хрониках и документах.

О «степени конструктивности в ходе экспансий» тоже идут споры. Вспомним «теорию насилия» К.Е. Дюринга, на рубеже XIX - XX вв. И положения его

оппонента (Энгельс «Анти - Дюринг», 1877 г.) о насилии как «социальном зле», но с «двойной ролью», как катализатора общественных процессов. Так, согласно акад. В.В. Бартольд, «в культурном движении играли, кроме мирного (развития), ... роль завоевательные походы. Это имело большое образовательное значение» (Бартольд, 1924, с. 5-6). Подобная мысль была воспроизведена и в недавнее время. Нередко «силовым путём» распространяли себя цивилизационные общности, со «стремлением распространения (культурной экспансии), ... расширить свои границы» (Арутюнов, Рыжакова, 2004, с. 107).

Интересны наблюдения в связи с войнами и иррадиацией ислама, ещё в постреволюционные десятилетия. Походы и захваты обоснованно рассматривались только как фактор, дополнительный к внутренним причинам: разложению оседлого сообщества, «расслоению внутри общины» (Толстов, 1932, с. 34-40). Поскольку не в «образовательном значении» и не в экспансии от лица культуры бывал прямой интерес сил вторжения, а в том, чтобы «... взять готовый продукт, сырьё и рабочую силу ..., строить центры светской и духовной власти (города и храмы), гораздо реже – промышленные площадки» (Э.Г. Александров, рецензент).

Греко - македоняне и арабы подчиняли себе морское побережье «дистанционно», по его дальней окружности. Кочевые тюрки-огузы той же эпохи IX-XI вв. взяли Прикаспий в кольцо: узы, торки и печенеги – тенгриане, а на Днепре и у Чёрного моря – православные, с севера, а также мусульмане-сельджуки, на их завоеваниях по пути в Византию, т.е. Малую Азию, – с юга. Монголы пришли в Гилян из Мазандерана в 1307 г., более чем через полвека после начала их главного вторжения. И тоже ограничились (это, условно, «новгородский» вариант) заявлениями местных князей о покорности (Гумилёв, 1993, с. 63-64; Бартольд, 1924, с. 57; Бартольд, 2003, с. 215-225). Потому и не оставили они здесь серьёзных следов в этнолингвистическом положении дел.

В Центральном Прикаспии наиболее значимые события происходили по «кавказскому», а не по «среднеазиатскому» направлению. Здесь почти на столетие, в 650-737 гг. столкнулись в двух войнах два скотоводческо-земледельческих государства: каганат и халифат. В г. Дербенте (г. Баб-аль-Аббабе) тогда наметилось необычное метисное, «арабо - хазарское» население (И.Г. Семёнов), следов позже не оставившее.

Не создали единства, политического и цивилизационного, монголы. «Межчингисидские» противоречия сразу возникли между Джучидами из Золотой Орды и Хулагуидами в победившем сельджуков государстве Ильханов в Персии, и их ожесточённые войны шли в 1242-1358 гг. А с сер. XVI в. в кавказском Прикаспии сошлись интересы России (через Астрахань), Персии и Османской Турции, а ещё и лидеров мелких местных владений.

Нас особо заинтересует объединение в результате походов населения двух побережий Центрального Прикаспия, сочетание событий и связь их жителей. Так, хорезмский султан Джелаль-ад-Дин Менгбурни вёл в 1221-1231 гг. борьбу, перейдя на Кавказ, с военачальниками Чингисхана, а монголы преследовали его по пятам, обогнув море с юга. С юга же следовали походы по побережьям эмира Тимура-

Тамерлана в 1388-96 гг., шахов - шиитов Исмаила, шахов Аббаса I и Аббаса II Сефевидов с нач. XVI по сер. XVII вв. и затем Надир-шаха Афшара в 1740-42 гг.

А с севера совершались трагичный Хивинский поход 1717 г. капитана гвардии, чеченца князя Александра (Девлет-Кизден-мирзы) Бековича-Черкасского и вскоре за ним в 1722-1723 гг. Персидский поход императора Петра I с эскадрой. Завершил этот цикл Каспийский поход российских войск с эскадрой в 1796-1797 гг. до г. Баку и южнее под командой графа В.А. Зueva и графа И.В. Гудовича. Отступавшие, после смерти императрицы, войска и массы закавказских христиан в их обозе пытались преследовать персы хана (шаха) Ага-Мохаммеда Каджара.

Упомянем и попытку совместного Индийского похода консула Наполеона Бонапарта и императора Павла I в апреле-августе 1801 г. через Царицын и Астрахань, флотом на персидский Астрабад, что смогло бы сильно перекроить евразийское пограничье в его этническом значении. И, наконец, Россия и Персия заключили Туркманчайский договор 1828 г. с границей по р. Астарчай на землях будущего Азербайджана и договорённость их местных представителей в 1869 г. о взаимной границе по р. Атрек в южном Туркменистане.

И все такие события неизбежно побуждали население к перемещению, что порождало соответствующий отклик: позитивный, нейтральный или же явно негативный. А многообразие традиций здешних жителей то сокращалось, то, напротив, возрастало. И фактор завоевания и покорения, как отмечалось выше, далеко не всегда бывал созидательным. Тем более, что «вовлечению» со стороны развитых держав подвергалось местное население – в основном, неагрессивных «потребляющих» видов деятельности, способное порою на серьёзное слаженное сопротивление завоевателям, но это случалось довольно - таки редко.

Очевидна неоднозначность завоеваний, а также их повторявшаяся реальность с обычно неплохим освещением в источниках. Особенно интересно их всегда сложное отражение в этнолингвистической картине региона.

Так, военные походы стимулировали активные этнические миграции «вокруг Каспия», со многими новыми диаспорами (Викторин, 2011, с. 52-61; Викторин, 2016, с. 96-99). От персидских войск с юга и калмыцких с востока часть кочевников, прикаспийских туркмен (игдыры, абдалы, човдуры) переселились на Нижневолжье и в Ставрополье. Оседлые горские иудеи и таты - христиане (григорияне) от почти одноязычных им персов мигрировали на север, в российские пределы. Зато полукочевые сельские группы арабов Дагестана (оставляя потомков в местном, сильно этнически смешанном населении) отступали от власти России к тогдашним туркам в Маскуте-Мушкуре и в Ширване, затем совсем южнее, в края своих предков.

Любопытно, что после захвата османскими войсками султанов Мурада III и Мехмеда III территории близь г. Баку и крупной береговой полосы по Каспию в 1578-1606 гг. было установлено прямое корабельное сообщение, в котором османы имели немалый опыт, с их союзниками в Бухаре и Хиве. Так, через г. Ургенч (Гургандж) и море среднеазиатские паломники-сунниты следовали группами в Мекку, в обход враждебной для Турции шиитской Персии (Бартольд, 1924, с. 107-

108, 146). А также, добавим, и помимо беспокойных степей и ставшей российской Астрахани. Затем возросла роль афганского маршрута через океан.

Притом, рассматривая подобное культуртрегерство, приходится всегда уяснять, какие собственные этнические и лингвистические характеристики имели распространители продвинутой формации и посланцы тенденций всемирной культуры, и какой государственный уклад и этнолингвотип доминировал – и на какой срок, чем он сменился.

От потребления даров природы – к развитому земледелию. В Прикаспии широко известны поселения потребительских сообществ, в частности, основанных именно на ХКТ рыболовства – и изначальные, и воспроизведённые вторично из ХКТ иных. Прежде всего, это несколько загадочные «балыкчияне» с островов у берегов Дагестана (о них у хрониста из Персии Шарафаддина Али Йезди в нач. XV в.), уничтоженные Тимуром - Тамерланом в походе зимой 1395 - 96 гг. К морскому рыболовству с конца XVI в. прибегали и позднепереселенческие группы – такие, как русские и обрусевшие «ловцы» на побережье Астраханского воеводства до р. Эмбы. А также лишившиеся своего скота кочевники.

Так, возможности жить «по Яику, по Волге, в Мочагах, при море и устьях рек» весь XVIII в. просили у царских и губернских властей многие калмыки (Кундакбаева, 2005, с. 214, 237). В итоге образовались сначала «чуркинские» калмыки – монастырские православные (точнее, синкретисты с кочевым тенгрианством), от нач. XVIII в. по 1788 г. жившие на взморье вблизи креп. Красный Яр. А с нач. XIX в. и до сих пор известны особые яндыко - мочажные (т. н. «камышовые») калмыки - тургуты Лиманского района Астраханской обл. и Лаганского района Калмыкии. Немногим позже между Красным Яром и Гурьевым в прибрежье возникла группа рыболовов – «казахи Синеморья».

В среде туркмен и сейчас выделяются оседлые йомуды в ауле Чикишлер и в ауле Эсенгулы на побережье, вблизи границы с Ираном. На их субэтнокультуру сильно повлияли не только традиции рыболовства, но и этнические связи с переселёнными сюда в 1601 г. шахом Аббасом I курдами северного Хорасана в Персии.

«Полными кочевниками» (помнящими некоторые свои традиции и до сих пор) являлись в довоенное время большинство туркмен племенных групп йомуд и гёклен, основная часть калмыков и казахов, шахсвены («кочевые азербайджанцы - шииты») Муганской степи. Даже караногайцы Сев. Дагестана (вблизи г. Кизляр) продолжали жить в юртах вплоть до нач. 60-х гг. XX в.

Полукочевниками (их жизнь в кишлаках – зимою, передвижения со стадами – с весны) в довоенное время являлись нижеволжские ногайцы (карагаши, кундровцы и утары - алабугатцы на границе Астраханской обл. с Калмыкией). А также терекеменцы, или терекемийцы (иногда «тюрки - скотоводы, азербайджанцы - сунниты») в небольшой зоне «Терекеме», на побережье и в предгорьях немного севернее г. Дербента.

Характерно для всех рассматриваемых территорий богарное земледелие. Земледельческие орошаемые поля были возможны лишь при больших водных

источниках. Выделим среди них, как наиболее надёжные для использования, дельты крупных рек, назовём большинство из них в дальнейшем изложении. Из более чем 130- и рек, впадающих в Каспий, можно «дельтовыми» считать 9 или 10.

Пресноводное орошение обеспечивало производство овощей и ягод, риса, меньше – овса и ячменя, а в кочевых районах Северного Прикаспия – проса. Не очень типично было на побережье выращивание пшеницы, хотя пашня – это свидетельство ХКТ наиболее высокого уровня, соотносимого с промышленностью. Зерноводством активно занималось казачество: терское с гребенским на западе, уральское (яицкое) – на северо - востоке. В Центральном и Южном Прикаспии пшеницу с сер. XIX в. выращивали колонисты – представители сект и мелких деноминаций: русские – старообрядцы и иудеяне (субботники и молокане) и, отчасти, немцы (меннониты).

Так, поселились в первой половине XIX в. в азербайджанском Ширване и южнее – в Муганской степи, т.н. «русские муганцы» (о них А.И. Клебанов, Д.И. Исмаил - Заде, А.Д. Сулейманов, Э.Н. Алиев, С.Д. Турбеева). А с 1898 г. по 1914 гг. переселенцы большими группами перебирались в Астрабадскую провинцию Ирана, вблизи границы с Россией, между гг. Горган и Гомбед, рр. Атрек и Карасу и морем – в двух - трёх десятках селений. Просуществовало это интересное население до послевоенного времени, 1946 - 49 гг., когда (с усложнением внешнеполитической обстановки и режима границы) стало массово переезжать вновь: теперь в США и в Австралию (о них Г.Ф. Чиркин, А.М. Сапаров, И.Г. Кострикин).

Количество ярких, необычных прикаспийских примеров хозяйственной специфики в культуре можно при желании значительно преумножить. Займёмся этим в наших новых исследованиях. Полезно будет и их картографирование.

Ареалы и субареалы, их этнотрадиционный состав. Субрегион Северный Прикаспий фактически совпадает с Прикаспийской низменностью. От Астрахани – естественного исторического «навешия» Каспийского региона – к югу расположена как ареал полиэтническая Волжская дельта, к востоку – Синеморье, дельты рр. Урал (Жайык) и Эмбы (Жем) и затем Большой Култук (солончаки). К западу простираются Подстепные ильмени и Мочаги (прибрежные пастбища).

Со среднеазиатской стороны, по новой границе частей света, плато Мангистау (Мангышлак) с п/о Бузачи (Бозаши) оказывается в «Европе», а соседнее плато Устюрт – в «Азии». Здесь же начинается Центральный Прикаспий (Закаспий), включающий хребты Большой и Малый Балхан с балханским побережьем между ними, известняки Кара - Богаз, бывшую дельту р. Узбой и Красноводский залив. Субэтнический подареал «оседлых туркмен - йомудов, рыболовов» был нами выделен ранее.

В кавказской части Центрального Прикаспия своеобразны как ареалы берега Кизлярского и Аграханского заливов, дельты рр. Терек и Сулак, Кумыкская равнина (плоскость), южнее – любимая восточными авторами область «Гюлистан-и-Ирам» ("Райский цветник"), включающая полукочевую ранее местность Терекеме и весь Дербентский край с прибрежным «дефиле», удобным для

передвижения, многих походов и миграций. Далее расположена дельта и долина р. Самур на границе стран СНГ и двух частей света (с высокогорьем сразу же западнее), за ней издревле разноязычная территория Маскут (Мушкур), далее Нефтяные камни с окрестностями г. Баку и п/о Апшерон.

В составе последнего налицо ещё один, предельно любопытный историко-культурный «субареал» в центре Прикаспия. Это расположенный на полуострове, у сел. Саруханы, Государственный историко-архитектурный заповедник Азербайджана – храм огня "Атешгях". Акад. В.В. Бартольд тоже знал о прежних «огнях около Баку из подводных скал», хотя сам не посетил этих мест и сдержанно расценивал их роль для исламской истории кавказского Прикаспия (Бартольд, 1924, с. 23). Действительно, по соседству с промышленной нефтедобычей священные огни ослабли и погасли ещё на рубеже XIX - XX вв. Но на месте совсем древних мольбищ успели в 1713 г. выстроить храм как целый комплекс (ещё, кстати, при господстве мусульманства: до прихода войск России в 1805-1806 гг.). Так или иначе, сакральность храма сохранена, и это место, оставив на стенах записи на своих языках и алфавитах, посещают до сих пор паломники: в основном, они из разных местностей Ирана и Индии.

Южнее агломерации Большого Баку простираются степная Муганская низменность, дельта р. Кура (с Араксом), Мильская степь и, наконец, приграничная Тальшская долина. Далее расположен Иранский, Южный Прикаспий: в его составе на западе – берег Гиляна с предгорьями Дейлема, за ними – Лахиджан и Мазандеран (древн. Табаристан) и на востоке – Астрабадская (Горганская) долина вдоль одноимённого морского залива, с исторической областью Гиркания и, уже совсем восточнее, с пограничным ареалом Голистан.

Таким образом, нами выделено, по периметру побережья Каспийского моря протяжённостью почти 7 тыс. км и с некоторым проникновением вглубь суши, до 30- и географических и историко-культурных ареалов, по 100 300 км береговой линии каждый.

Предварительно названы также несколько входящих в них «субареалов», которых на самом деле гораздо больше (они будут рассмотрены в наших дальнейших публикациях). В ходе исследования не раз возникала проблема, считать ли «Прикаспийскую низменность и её дельтовые зоны», «Гилян с Дейлемом», «Нефтяное побережье Азербайджана» как самостоятельные целостности или же выделять в них «под - зоны», или «субареалы».

Уникальные черты прежних этноспецифических ХКТ, языковых (диалектных) и иных традиционных типов с их сосуществованием в перечисленных и намеченных к рассмотрению межэтнотрадиционных ареалах и субареалах налицо. Их полезно знать и учитывать для лучшего постижения и устойчивого развития региона.

ВЫВОДЫ

Итак, рассмотренный в статье «регион Прикаспия» служит хорошим образцом «единства в многообразии» и «разнообразной целостности», заслуживающий комплексного, междисциплинарного изучения. Перед нами яркий и показательный пример совместного развития в непростых природных условиях. Предельно богата и неповторима, хотя и изменчива, складывавшаяся здесь за очень длительное время специфика развития: при контактах этносов и их языков, диалектов в крупных ареалах побережья и в минимальных их точках. Трудное многовековое сложение («тысячелетнее», по Л.Н. Гумилёву) прошли его ареальность и этнолингвистическая карта. И такое развитие продолжается, с неизбежными модификациями, и сейчас.

Прикаспий, как мы абсолютно уверены, составляет «активную периферию» Планеты, имея для глобального развития подчинённое и включённое, но энергичное и заметное значение. И потому его роль двусторонняя (амбивалентная) и несколько противоречивая, но при этом и весьма перспективная. Необходимо учитывать этот фактор для понимания процессов и, на этой основе, многостороннего сотрудничества и языкового взаимопонимания в самом регионе и при любом внешнем взаимодействии с учётом давнего опыта адаптации любых влияний.

С «ареальных» позиций, весь стиль местного существования сопряжён с здешней природой, в т.ч. часто – напрямую с фактором наличия моря по соседству. Многослойная «пограничность» обеспечивает региону связь с самыми отдалёнными территориями. Консервативность и традиционность гарантируют внутреннюю стабильность. А повсеместная специфичность с сохранением культурных реликтов создают возможности яркой и привлекательной самопрезентации территорий. Всё древнее наследие, так или иначе, сохраняется в жизни нынешних обитателей Прикаспия.

Свидетельством того, что сейчас отлаживается правовой статус Каспийского моря служит полная ратификация Актауской «Конвенции» от 12 августа 2018 г. Тогда вполне целесообразным выглядело бы наше предложение в дальнейшем «дополнить» её этнокультурной и лингвистической составляющей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Арутюнов, С.А., Рыжакова, С.И. (2004). *Культурная антропология. Серия "Аудитория"*. Москва: Весь Мир.
- Бартольд, В.В. (1924). *Место Прикаспийских областей в истории мусульманского мира*. Курс лекций на Восточном факультете АГУ в 1924 г. Баку: ООиИ Азербайджана.
- Бартольд, В.В. (2003). *Работы по исторической географии и истории Ирана* (сер. «Классики отечеств. востоковедения»). Москва: Восточн. литература РАН.

- Введение в востоковедение. Общий курс* (2017). Ответ. ред-ры проф. Е.И. Зеленов, проф. В.Б. Касевич. Санкт-Петербург: Каро.
- Викторин, В.М. (2002). Ареалы Прикаспия как специфическое евразийское приграничье (к проблеме этносоциокультурной "реликтовости"). *Каспийский регион: политика, экономика, культура*, 1(1), 40-46.
- Викторин, В.М. (2003). Этноконфессионально-специфические группы в структуре этносов на рубежах Евразии (монотеизм – рецепция и связь верований – соотношение общин). *Россия и Восток: проблемы взаимодействия*. Волгоград: ВолГУ, 155-166.
- Викторин, В.М. (2007). История и современность ислама в России и регионах: пространственный, ступенчатый и информационный подходы (к теории и методологии изучения). *Ислам на Юге России*. Сб. ст. Астрахань: Филиал ВАГС, 5-6.
- Викторин, В.М. (2011). "Врата народов": последние кочевые миграции вдоль северного Прикаспия (XVII – XVIII вв.). *Арало-Каспийский регион в истории и культуре Евразии (Еуразия тарихы мен мәдениет аясындагы Арал-Каспий аймагы)*, 52-61.
- Викторин, В.М. (2016). Город Дербент, Восточный Кавказ и побережье Каспия: этнолингвистические и конфессиональные миграции к началу XIX в. *Научная мысль Кавказа*, 4 (88), 96-99.
- Викторин, В.М. (2021). "Каспийский круг" этнолингвокультур и конфессиотипов: его астраханский ракурс. *Каспий: прошлое, будущее, настоящее*. Сб. ст. ко Дню Каспия. Астрахань: Астрахан. университет, 154-156.
- Герд, А.С. (2005). *Введение в этнолингвистику. Курс лекций и хрестоматия*. Санкт-Петербург: СПбГУ.
- Гумилёв, Л.Н. (1993). *Тысячелетие вокруг Каспия*. Москва: ТОО "Мишель и Ко".
- Ерасов, Б.С. (1990). *Культура, религия и цивилизация на Востоке*. Москва: ГРВЛ Наука.
- Кундакбаева, Ж.Б. (2005). *Знаком милости Е.И.В. Россия и народы Северного Прикаспия в XVIII веке*. Москва: АИРО; Санкт-Петербург: Издатель Дмитрий Буланин.
- Левин, М.Г., Чебоксаров, Н.Н. (1955). Хозяйственно-культурные типы и историко-этнографические области. *Советская этнография*, 4, 3-17.
- Октябрьская, И.В. (2020). Ареальные исследования в российской этнографии: традиции и современное состояние. *Вестник Томского государственного университета. История*, 68, 103-108.
- Романова, А.П., Карабущенко, П.Л. (2007). *Астрахань - XXI век: социокультурная регионалистика*. Астрахань: Астраханский университет.
- Толстов, С.П. (1932). Очерки первоначального ислама. *Советская этнография*, 2, 24-82.
- Чебоксаров, Н.Н., Чебоксарова, И.А. (1985). *Народы, расы, культуры*. Москва: Наука.

Для цитирования: Викторин, В.М. (2022). Прикаспийский «круг традиций» и проблемы ареальной этнолингвистической специфики. *Caspium Securitatis: журнал каспийской безопасности*, 2(1), 52-67.

DOI 10.54398/2713024X_2022_2_1_50

REFERENCES

- Arutyunov, S.A. & Ryzhakova, S.I. (2004). *Cultural anthropology. Series "Audience"*. Moscow: Whole World. (in Russian)
- Bartold, V.V. (1924). *The place of the Caspian regions in the history of the Muslim world. A course of lectures at the Oriental Faculty of ASU in 1924*. Baku: OOİl Azerbaijan. (in Russian)
- Bartold, V.V. (2003). *Works on historical geography and history of Iran (series "Classics of Russian Oriental Studies")*. Moscow: Vostochn. Literature RAS. (in Russian)
- Introduction to Oriental Studies. General course* (2017). Answer. editors prof. E.I. Zelenev, prof. V.B. Kasevich. St. Petersburg: Karo. (in Russian)
- Victorin, V.M. (2002). Areas of the Caspian Sea as a specific Eurasian borderland (to the problem of ethnosociocultural "relictiness"). *Caspian region: politics, economics, culture*, 1(1), 40-46. (in Russian)
- Victorin, V.M. (2003). Ethno-confessional-specific groups in the structure of ethnic groups on the borders of Eurasia (monotheism - reception and connection of beliefs - correlation of communities). *Russia and the East: problems of interaction*. Volgograd: VolGU, 155-166. (in Russian)
- Victorin, V.M. (2007). History and modernity of Islam in Russia and the regions: spatial, stepwise and informational approaches (to the theory and methodology of study). *Islam in the South of Russia. Sat. Art.* Astrakhan: Branch of VAGS, 5-6. (in Russian)
- Victorin, V.M. (2011). "Gateway of Nations": the last nomadic migrations along the northern Caspian Sea (XVII - XVIII centuries). *The Aral-Caspian region in the history and culture of Eurasia (Eurasia tarihi men mədeniyet ayasyndagy Aral-Caspian aimags)*, 52-61. (in Russian)
- Victorin, V.M. (2016). The city of Derbent, the Eastern Caucasus and the Caspian coast: ethnolinguistic and religious migrations by the beginning of the 19th century. *Scientific thought of the Caucasus*, 4 (88), 96-99. (in Russian)
- Victorin, V.M. (2021). "Caspian circle" of ethnolinguistic cultures and confessional types: its Astrakhan perspective. *Caspian: past, future, present. Sat. Art. for Caspian Day*. Astrakhan: Astrakhan. university, 154-156. (in Russian)
- Gerd, A.S. (2005). *Introduction to ethnolinguistics. Course of lectures and reader*. St. Petersburg: St. Petersburg State University. (in Russian)
- Gumilyov, L.N. (1993). *Millennium around the Caspian Sea*. Moscow: Michel and Co. LLP. (in Russian)

- Erasov, B.S. (1990). *Culture, religion and civilization in the East*. Moscow: GRVL Nauka. (in Russian)
- Kundakbaeva, Zh.B. (2005). *A sign of mercy from H.I.V. Russia and the peoples of the Northern Caspian region in the 18th century*. Moscow: AIRO; St. Petersburg: Publisher Dmitry Bulanin. (in Russian)
- Levin, M.G. & Cheboksarov, N.N. (1955). Economic and cultural types and historical and ethnographic areas. *Soviet ethnography*, 4, 3-17. (in Russian)
- Oktyabrskaya, I.V. (2020). Areal studies in Russian ethnography: traditions and current state. *Bulletin of Tomsk State University. History*, 68, 103-108. (in Russian)
- Romanova, A.P. & Karabuschenko, P.L. (2007). *Astrakhan - XXI century: sociocultural regional studies*. Astrakhan: Astrakhan university. (in Russian)
- Tolstov, S.P. (1932). Essays on primitive Islam. *Soviet ethnography*, 2, 24-82. (in Russian)
- Cheboksarov, N.N. & Cheboksarova, I.A. (1985). *Peoples, races, cultures*. Moscow: Science. (in Russian)

For citation: Victorin, V.M. (2022). The “Circle of Traditions” of the Caspian Sea Coastal Region and the Problems of Areal Ethnolinguistic Specificity. *Caspium Securitatis: Journal of Caspian Safety & Security*, 2(1), 52-67.

DOI 10.54398/2713024X_2022_2_1_50